

СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ СУБЪЕКТА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОГО АНГЛИЙСКОГО И ЛИТОВСКОГО ЯЗЫКОВ

ЯНИНА БУЙТКЕНЕ

Лингвистика все заметнее ориентируется на коммуникативный аспект языка, вследствие чего общепризнанным стал факт, что коммуникация осуществляется не на уровне отдельного предложения, а на уровне текста. В связи с этим расширились рамки традиционной грамматики. Грамматика предложения наполнилась грамматикой текста, границы которой пока очень расплывчаты. Однако уже можно говорить о некоторых закономерностях и категориях, изучаемых грамматикой текста. К таким можно отнести прагматические факторы, выявление новых свойств традиционных грамматических категорий (функции артикля, местоимения и т. д.), а также выявление новых, чисто текстовых категорий. Наиболее важной и изученной из последних является категория связности, обладающая разноуровневыми средствами. К ним можно отнести и лексические средства, которые при помощи разных видов повторов на протяжении всего текста или его части соединяют элементы текста в единое целое. К лексическим средствам выражения категории связности относятся также разные способы выражения субъекта в тексте, изучение которых в художественных текстах английского и литовского языков является целью данной статьи.

Линия субъекта является одним из важнейших структурирующих элементов текста [Gutwinski, 1974]. Под субъектом текста понимается лицо (или предмет), совершающее какое-либо действие, испытывающее его, находящееся в процессе, т. е. все то, что по терминологии глубинных падежей именуется агенсом (в случае совпадения глубинно-семантических и синтаксических функций), неагенсом, квазиагенсом, пациенсом и т. д. (в случае несовпадения данных функций).

В рамках предложения лицо, совершающее определенное действие, обычно занимает синтаксическую позицию подлежащего. Однако в рамках текста дело осложняется, так как лицо (или предмет), о котором идет речь, в последующих компонентах текста иногда меняет свою синтаксическую позицию в зависимости от многочисленных языковых и неязыковых факторов. Как отмечает В. Г. Гак „...смысловый субъект (лицо или предмет, о котором идет речь) может получать выражение

прямое (в форме подлежащего), косвенное (в форме дополнения или обстоятельства...) или же нулевое (быть опущенным)” [Гак, 1979, с. 92]. Однако перемена синтаксической позиции еще не значит, что меняется определенный элемент ситуации; он остается тем же, т. е. лицом или предметом, о котором повествуется на протяжении текста, который совершает действие, участвует в процессе и т. д.

Присутствуя в каждом (или почти каждом) компоненте текста английского и литовского языков, субъект может принимать: а) идентичное языковое выражение, б) варьирующее языковое выражение. При идентичности выражения субъекта на протяжении текста следует говорить о дословном лексическом повторе. Когда же выражение субъекта принимает варьирующие формы, тексты английского и литовского языков позволяют выделить такие виды лексического повтора, способствующие идентификации субъекта, как синонимический, антонимический, гипонимический (гиперонимический), тематический повтор, реализующий отношения „целое—часть”, и др.

Как свидетельствуют конкретные тексты исследуемых языков, выражение субъекта дословным повтором обуславливается двумя причинами: в одних текстах дословное повторение наименования субъекта является необходимым структурным элементом текста, в других — факультативным. То есть наблюдаются случаи, когда присутствие дословного повтора обуславливается самой структурой текста; его опущение, замена местоимением или другим видом повтора меняет или искажает смысл текста. В других же текстах присутствие дословного повтора зависит от некоторых экстралингвистических факторов (функционального стиля, интонации автора и т. д.) и он может быть опущен или заменен местоимением без ущерба тексту. Следовательно, можно полагать, что возможность замены дословного повтора местоимением (или опущение) свидетельствует о его факультативном характере; невозможность такой замены имплицитно обуславливает обязательность дословного повтора для идентификации субъекта.

Дословный повтор является обязательным при наличии двух (или нескольких) субъектов описания, в особенности если совпадают их грамматические формы (род, число). Когда внимание автора перемещается с одного субъекта на другой, необходимо точно идентифицировать эти субъекты, ибо в противном случае адресат сам не сможет этого сделать. Напр.: *When Petras had gone a few steps farther, he threw a stone into the kennel by Rameika's barn. The dog had been half asleep and he was startled; he rushed yelping out of the kennel and jumped over the fence into the garden. Petras threw another stone after him, but missed. When the stone fell down to the ground, the dog ran through the cabbages and the seedlings and grabbed it in his teeth, as if not Petras but the stone were the cause of his fright. Petras was pleased when he saw the dog chasing after the stone; he*

threw another, but this time *the dog* turned and ran back to the barn (Krėvė, p. 76). Paejęs kelis žingsnius, *Petriukas* sugriebė *akmenį* ir paleido Rameikos gurbon. *Šuo*, matyti, snaudė, ir *Petriukas* jį labai išgąsdino, nes, išsprukęs iš gurbos, skalindamas nudūmė, perskokes per tvorą, daržan. *Petriukas* palydėjo jį kitu *akmenimi*, bet nepataikė. Kai tik *akmuo* nukrito, *šuo* per pasodninkus, per kopūstus pribėgo ir stvėrė jį dantimis, lyg *akmuo*, o ne *Petriukas* kaltas būtų buvęs jo išgąscio. *Petriukui* labai patiko, kad *šuo akmenis* gaulo: jis kitą kartą jį sviedė *akmenimi*, bet šio jau visai *šuo* negaudė, tik lodamas nubėgo į kluoną (Krėvė, p. 136).

Дословное повторение наименования субъекта необходимо также в случае дистантного расположения повторов, т. е. тогда, когда повторы обнаруживаются не в контактно расположенных предложениях. При замене дословного наименования субъекта местоимением последнее из-за дистантного расположения первичного наименования затрудняет понимание текста или при наличии нескольких субъектов не может точно указать на антецедент. Напр.: *The terrace* in front of the house was a long narrow strip of turf, bounded along its outer edge by a graceful stone balustrade. Two little summer-houses of brick stood on either end. Below the house the ground sloped very steeply away, and *the terrace* was a remarkably high one... (Huxley, p. 46). Ср.: and it was a remarkably high one... Ant baltų atlaso priegalvio išsisi negyva senelio *galva*. Baltais pinikais apsiūti priegalvio kraštai. Baltais pinikais apkabinėti ir juodo grabo kraštai. Pinikus gražina žodžiai (...). Keletas pirkinių verbų šakelių padėta abipus *galvos* (Simonaitytė, 1977, p. 11).

Повторное дословное наименование субъекта обязательно, когда существуют определенные различия в денотации первичного и повторного обозначений субъекта при сохранении тождества сигнификативного значения. Несовпадения денотативных значений повторов обуславливаются несколькими причинами: наличием синтаксических распространителей, изменением синтаксической позиции повторов, обобщенным представлением одного из субъектов и т. д. Коротко остановимся на некоторых из этих причин.

Как в английских, так и в литовских текстах часты случаи, когда описываемый субъект при повторном указании на него сопровождается дополнительной информацией, вследствие чего его языковое выражение принимает форму атрибутивного словосочетания. Обязательность/факкультативность дословного повторного наименования субъекта в таких случаях варьирует в зависимости от степени значимости определения для передаваемой текстом информации. Дословное наименование субъекта с сопровождающим его определением менее обязательно, когда информация, передаваемая определением, не является компонентом основной информации текста. При местоименной замене уменьшается только вспомогательная информация текста. Напр.: *The darkness* seemed

to breathe like the sides of some great beast, the hay stacks loomed half revealed, crowd of them, a dark, fecund lair just behind. Waves of *delirious darkness* ran through her soul (Lawrence, p. 317). Cp.: Waves of *it* ran through her soul. Centrinioje Berlyno kapuose stovėjome prie Karlo Libknecht ir Rozos Liuksemburg kapų. *Apsnigti kapai* skendėjo šimtuose gyvų gelių vainikų (Venclova, p. 61). Cp.: *Jie* skendėjo šimtuose gyvų gelių vainikų.

Обязательность присутствия дословного повторного наименования субъекта повышается, когда информация, передаваемая определением и повтором, входит в основную информацию текста. В подобных случаях при местоименной замене происходит не просто сокращение объема информации текста, но и изменяется, переосмысливается или вовсе искажается его содержание. Напр.: Some houses and shops had been leveled by bombardment from Colonel Knox's artillery and the British men-of-war. *A number of buildings* remained as burned-out hulls. *Several hundred of the city's wooden buildings* had been pulled down to afford firewood for the English soldiers' messes... (Stone, p. 332). Cp.: *A number of buildings* remained as burned-out hulls. *Several hundred of them* had been pulled down... Didžiutis tokia tauta, vertki džiaugsmo ašaromis, kad priklausai jai – štai kokie *jausmai* šiandien užvaldo širdį kiekvieno lietuvių, kokioj šaly ir kokiam krašte jis begyventų. Tačiau *šitie tauris, žmogiški jausmai* nepažįstami reakcionieriams, savosios liaudies budeliams ir žudikams... (Baltušis, p. 276). Cp.: Didžiutis tokia tauta, vertki džiaugsmo ašaromis, kad priklausai jai – štai kokie *jausmai* šiandien užvaldo širdį kiekvieno lietuvių... *Jie* nepažįstami reakcionieriams, savosios liaudies budeliams ir žudikams...

Другим примером проявления разницы в денотации первичного и повторного наименований могут послужить те тексты, в которых повторное наименование создает обобщенное, отвлеченное от конкретных признаков представление субъекта. Напр.: *Žmogus* eina neskubėdamas, pasikūprinęs, įtraukęs galvą į pastatytą rudinės apykaklę. Po jo sunkiais batais sutunkseną tilto grįstai, ir *žmogus*, neprataręs nė žodžio, nutolsta. Andrius pagalvoja, kad seniau kaime niekuomet *žmogus* pro žmogų nepraeidavo nepasiveikinęs, kepurės nenukėlęs (Bubnys, p. 49).

В первом предложении текста речь идет о конкретном субъекте *žmogus*, попадающем в поле зрения наблюдателя. Повторное дословное обозначение субъекта имеет целью отобразить то же лицо как представителя всего класса, безотносительно к конкретным, специфическим признакам, вследствие чего присутствие дословного повтора становится обязательным, так как местоименная замена искажает содержание текста. В качестве antecedента воспринимается одно из предшествующих наименований, денотатом которого является конкретное лицо: Andrius pagalvoja, kad seniau kaime niekuomet *jis* pro žmogų nepraeidavo nepasiveikinęs, kepurės nenukėlęs. Сравните также нижеследующие примеры: The swine were remembering the troughfuls of tasty, soft, succulent leaves

at home, and started rolling along like so many balls, with *the sheep* following at their heels, though these had nothing to expect at home. *A sheep* is stupid. She sees the swine running, so she starts running herself, although not to any purpose she knows (Krėvė, p. 107). Kiaulės prisiminė, kad namie jų laukia loviai, pilni gardžios, minkštos, sultingos žolės, pasileido kaip ribuoliai, o paskui jas ir *avys*, nors jos tai ir nieko nelaukė. *Avs* kvaila, mato, bėga kiaulės, ir ji bėga, nors pati nežino ko (Krėvė, p. 208).

Таким образом, вышеупомянутые факторы, обуславливающие различия в денотативном значении повторов, оказывают влияние на облигатность/факультативность присутствия дословного повторного наименования субъекта как структурно-информативного элемента художественного текста английского и литовского языков.

Как было отмечено, преобладание или, наоборот, сравнительно редкое использование дословного наименования субъекта зависит от экстралингвистических факторов (особенностей конкретного функционального стиля, жанра произведения, индивидуального стиля автора). В таких случаях с точки зрения структурно-смысловой организации текста присутствие повтора не является обязательным, местоименная замена становится вполне возможной. Присутствие дословного наименования субъекта регулируется некоторыми другими закономерностями. Напр., в научных текстах, авторы которых стремятся к точности и однозначности, более часто используется дословный повтор для наименования субъекта, чем в текстах других функциональных стилей. Иная картина наблюдается в художественных текстах, где вполне возможно варьирование дословного и местоименного повторов. Более того, удачная идентификация субъекта в художественных текстах литовского языка удачно осуществляется и при помощи имплицитного повтора. Напр.: *Furija* pelės dantimis ir mokinės bantuku pakaklėje neriasi iš kailio dėl virškininko. Įsakinėja, šūkaloja kaip jis, tik skardžiau ir įkyriau. Atlydėjo savo viešpatį iš daug didesnės įstaigos (Saja, p. 159).

Хотя по мнению Ч. Фильмара [Fillmore, 1970] эксплицитное выражение субъекта в начале английского предложения и его имплицитное выражение в тексте другого языка представляют поверхностные различия между двумя языками и не представляют ценности для типологических исследований, эти факторы сами по себе интересны и помогают в некоторой степени глубже понять исследуемые языки. Литовский язык оказывается именно тем языком, в котором имплицитное представление субъекта в последующем тексте является общепризнанным, чего нельзя сказать о текстах английского языка. Небезынтересно проанализировать несколько симптоматических в данном смысле текстов: ...at any distance *this mother* and son could read each other's thoughts. *She* expressed her pleasure in his articles. *She* thanked him for his remittances and assured him that they were no longer necessary. *She* gave him an account

of the boardinghouse's success, particularly stressing Sophia's helpfulness. *She* told him that Lily had left Coaltown to study singing in Chicago (Wilder, p. 232). ...*motina* ir sūnus galėjo skaityti vienas kito mintis per atstumą. Ji džiaugėsi jo straipsniais. Dėkojo jam už perlaidas ir tikino, kad daugiau jos nebereikalingos. Papasakojo, kaip joms sekasi laikyti pensiją, yra patrabrėžė Sofijos pastangas. Parašė jam, kad Lilė išvažiavo į Čikagą studijuoti dainavimo (Vailderis, p. 200).

Способы выражения субъекта в приведенных текстах оказываются совершенно различными: в английском сменяющее дословный повтор местоимение является одним из главных конституирующих элементов текста, в то время как в литовском лексический повтор сменяется местоименным, а тот – имплицитным, который и сохраняется в значительном отрывке текста. Сказанное дает основание полагать, что преобладание имплицитного повтора обусловливается синтетическим строем литовского языка. Развитая система морфологических форм представляет определенную свободу не только в структурировании такой единицы, как предложение (более подвижный порядок слов, функционирование определений в качестве парцелированных конструкций и др.), но и в организации текста.

Индивидуальный стиль писателя, его субъективные намерения тоже влияют на наличие/отсутствии дословного повтора. Предпочтение, отдаваемое дословному наименованию, объясняется стремлением автора акцентировать информацию об определенном субъекте, сосредоточивать на нем внимание адресата: New England was awash with seasonal rumors: *the Congress* had tied the hands of George Washington so that he could not fight. *The Congress* had made General Washington a dictator (Stone, p. 349). Ant kalno stovėjo ir pagyvenę *žmonės* raukšlių išvagotais veidais, žilais smilkiniais. Šie *žmonės* gerai atsimena 1941–1944 metus, hitlerininkų šėlimą ir jų lietuviškų tarnų sužvėrėjimą. Daugelis šių *žmonių* su ginklu rankoje kovėsi prieš fašizmą dėl laisvės (Venclova, p. 35).

Способы выражения субъекта в текстах английского и литовского языков не ограничиваются дословным, местоименным и имплицитным повторами. Варьирующие языковые средства наименования субъекта оказываются примерно одинаковыми в анализируемых языках и включают следующие наиболее часто встречающиеся виды повторов:

а) синонимический (также контекстно-синонимический): *She* had one enemy, *the man* they called Nut-Nat, or Nat-Nut, a cretin, with inturnd feet, who came flap-lapping along, shoulder jerking up at every step. *This poor creature* sold nuts in the public houses where he was known (Lawrence, p. 89). Tie šilai gal ir nieko, kad tie kaimųnų *vaikai* ten uogų nenurinktu. Pačiam nelieka, vis tie *ubagiūkjčiai* kaip varnai nulesa (Pikčiūrienė, 1953, p. 29);

б) антонимический: Inside the room was a great *steadiness*, a *core of li-*

ving eternity. Only far outside, at the rim, went on the noise and the destruction (Lawrence, p. 145). Ne vieną ir ne du kartus girdėjau senus, vadinas, protingus žmones sakant, kad nelaimė niekad nevaikšto viena, vis taiko užpulti žmogų keliese. Dabar pamatčiau, kad ir *laimė* nė per smilgos šiaudelį ne kito-niška (Baltušis, p. 5);

в) гипонимический (гиперонимический): Each of these figures and paintings was made to represent that power, more than that: to transmit that power. Every work in this room has been at one time an object of fear of love or of urgent appeal – in most cases of all three emotions at once (Wilder, p. 265). Visos šios *figūros* ir *paveikslai* buvo sukurti pavaizduoti tai galybei. Kiekvienas šiame kambary esantis *kūriny*s tam tikru metu buvo baimės, meilės ar karšto maldavimo objektas – dažniausiai visų šių trijų emocijų drauge (Vailderis, p. 235);

г) тематический повтор, реализующий категорию „целое–часть“: There is an exhibition here of the Society of Black and White. In it is a drawing by Mauve – a woman at a weaving-loom... There are splendid things by Israels – among others a portrait of Weissenbruch with a pipe in his mouth and his palette in his hand (Stone, p. 150). Karalienė pasižiūri į savo *rankas* ir šypsosi: ne, jos *rankom* nepritiktų nei apyrankės, nei žiedai. Apyrankės būtų tiesiog juokingos, o žiedai... jos *rankos* jau nebedailios, nudegusios, sudirbtos, stambio *gyslos* išpurpusios. *Oda* rupi ir stambiai languota. *Pirstai* stori, supleišęję ir jau sukumpę nuo sunkių darbų. Jos *nagų* nė apkarpyti nereikia, – jie patys nulūžinėja (Simonaitytė, 1977, p. 99).

Изложенное выше позволяет прийти к следующему выводу. Оба исследуемых языка обладают многочисленными средствами выражения субъекта в художественных текстах. К их числу относятся повторы: дословный, местоименный, имплицитный, синонимический, антонимический, гипонимический (гиперонимический), тематический повтор, реализующий категорию „целое–часть“, и др. Наибольший интерес представляет дословный повтор, так как его обязательное/факультативное присутствие в тексте определяется рядом лингвистических и экстралингвистических факторов в английском и литовском языках. Притом в литовском наблюдается тенденция использовать имплицитный повтор там, где английские тексты отдают предпочтение дословному или местоименному повтору.

MEANS OF EXPRESSING PARTICIPANT IN ENGLISH
AND LITHUANIAN TEXTS

J. BUITKIENĖ

Summary

Participant line as well as Event line can be seen as the backbone of a text in any language. The identification of the participant is realized by various lexical devices in English and Lithuanian texts. They include: reiteration of the same word, reiteration of a synonym or near-synonym, reiteration of an antonym, reiteration of a superordinate, reiteration of words related as part to whole, etc.

ЛИТЕРАТУРА

- Гак, 1979 - Гак В. Г. Повторная номинация на уровне предложения //Синтаксис текста. - М., 1979. - С. 91-102.
Fillmore, 1970 - Fillmore Ch. The Case for Case //Universals in Linguistic Theory. - London. - 1970. - P. 1-90.
Gutwinski, 1974 - Gutwinski W. Cohesion in Literary Texts: a Study of Some Grammatical and Lexical Features of English Discourse. - The Hague: Mouton, 1974.

ЦИТИРУЕМЫЕ ИСТОЧНИКИ

- Baltūis - Baltūis J. Kes daimon nesudėta. - V., 1976.
Bubnys - Bubnys V. Alkana žemė. - Po vasaros dangum, - Nėnų ragių žydėjimas: Trilogija. - V., 1977.
Huxley - Huxley A. Crome Yellow. - M., 1976.
Krėvė - Krėvė V. Skerdžius. - V., 1974.
Krėvė - Krėvė V. The Herdman and the Linden Tree. - N. Y., 1964.
Lawrence - Lawrence D. H. The Rainbow. - London, 1978.
Saja - Saja K. Klaidžiojimas: Apysakos. Apakymai. - V., 1983.
Simonaitytė, 1953 - Simonaitytė I. Piktūronė. - V., 1953.
Simonaitytė, 1977 - Simonaitytė I. Vilnius Karalius. - V., 1977.
Stone - Stone I. Thom Who Love. - N. Y., 1967.
Valdieris - Valdieris T. Alustoji diama. - V., 1978.
Venclova - Venclova A. Šalys ir žmonės: Kelionių apybraižas. - V., 1972.
Wilder - Wilder T. The Eighth Day. - N. Y., 1967.

Вильнюсский государственный
педагогический институт
Кафедра иностранных языков

Вручено
в октябре 1985 г.